

Часть первая

Глава 1

2009 г. Последний дюйм

Я бы сшил тетрадь из кожи моего врага и записал туда, что надо прощать врагам.

Уметь прощать — целая наука. Я долго овладевал, но не стал профессором. Кому-то простил, кому-то не сумел.

Опыт отягощает. Я теперь хожу медленно, слова и жесты экономлю. Мне сорок лет, зачем много говорить? И так все ясно.

Утром медленно выхожу из дома. Пересекаю двор, иду в бар. Это всегда один и тот же бар, на первом этаже торгового центра «Бум» возле метро «Братиславская».

Две тысячи девятый год, Москва, Россия.

Бар как бар, просторный и чистый, ничего особенного, деревянные столы и стулья, несколько телевизоров. Я не знаю, почему я выбрал это место, на двух длинных этажах «Бума» есть еще несколько подобных заведений. Наверное, здесь уютнее, чем в других точках, и много дневного света, и цены повыше — и, стало быть, меньше случайной публики. И обслуживание, да. Я знаю по именам всех официанток, а они — меня. Бар популярный, девчонки хорошо зарабатывают, почти все шустряют здесь уже по несколько лет. В общем, причина такова: этот бар похож на классический столичный бар, как я его понимаю. Чисто и ничего лишнего.

Сажусь. Достаяю тетрадь. Нет, она не из кожи врага; мне не удалось снять с него кожу. Целый год готовился, но не смог.

В тетради — рабочие записи, телефоны, всякого рода памятки, проекты, списки и перечни дел. Никаких запланированных подвигов, как у барона Мюнхгаузена, никакого разгона облаков, все мелко, неинтересно: погасить копеечный должок у судебного пристава, внести в банк квартирную плату, оформить страховку на машину. Дел много, список насчитывает десятки пунктов. Большинство затей так или иначе связано с урегулированием моих сложных отношений с государственной системой. Мне с нею трудно, с системой, я с ней не уживаюсь, она вымогает у меня слишком много времени и сил. Я устал от системы, как от бестолковой жены.

Люди с деньгами нанимают для выполнения незначительной рутинной работы специальных секретарей — я же небогат и вынужден повсюду бегать сам.

Я небогат, да.

Перелистываю страницы, придумываю новый день.

Давно бросил пить, но приходиться сюда не перестал. Шесть лет хожу. Как всякое животное, я подвержен дрессуре и привык начинать день под музыку из телевизора и смех официанток, подбадривающих друг друга перед началом тяжелой смены: сейчас я тут единственный клиент, вечером будет дым коромыслом. Хохот, пиво и так далее.

Одно время был еще один завсегдатай — человек лет тридцати с приятным волевым лицом и настороженным взглядом. Может быть, года два или два с половиной мы с настороженным незнакомцем первыми внедрялись в пустой зал и занимали свои столики. Я располагался так, чтобы видеть всех входящих, а он занимал другую стратегическую высоту — угловое место, максимально далекое от входа в туалет. И закуривал сигару. По этому стремлению оккупировать лучшую поляну подальше от параша, по некоторой напряженности лицевых мускулов, а также

по сигаре я подозревал в нем ранее судимого субъекта. Возможно, он едва-едва освободился и теперь специально посещал приличное место: завтракал и наслаждался дорогим табаком в попытке отвыкнуть от тюремно-лагерных реалий. Так я думал. Потом настороженный пропал. Наверное, деньги кончились.

Через полчаса закрыл тетрадь. Иногда я жалею, что она не из кожи врага. Теперь пора идти. Перед тем как покинуть бар, захожу в туалет, достаю из кармана флакончик йода. Отвинчиваю крышку и нюхаю.

Запах простейшего медицинского снадобья помогает мне жить.

Когда спускался в метро, сбоку приблизилась женщина. Бывают такие — несуразные, оплывшие, — смотришь и думаешь: господи, милая, кто ж с тобой совокупляется? Вдруг она тихо, с доброй улыбкой, как бы по секрету, сообщила:

— В прошлом годе поехали на машине в Геленджик... Кажись, впятером... Не помню всколькером... Так пока ехали — нас восемь раз оштрафовали!

Я кивнул и ускорил шаг. Я видел ее впервые в жизни. Доверительная интонация меня тронула. Восемь раз оштрафовали, ничего себе.

Почему именно мне выпала честь воспринять столь захватывающий факт чужой жизни, я не задумался. Ответ давно известен.

Тут же память подкинула картинку из бурного прошлого: тюрьма, общая хата, сто тридцать человек, в дальнем углу, возле телевизора, стою я — прибившийся к злодеям коммерсант, неплательщик налогов; открывается дверь, вталкивают новоселов, семь единиц, из них, как обычно, один более-менее нормальный, с пакетиком личных вещей, остальные — конченные демоны, клошары, божьи люди;

тугою волною приплывает незабываемый перегарно-генитальный запах; один из новичков тут же прорывается сквозь толпу — оттирая плечом бедолагу Димочку Сидорова, который нянчит забинтованную ладонь, — прямо ко мне, упирает в область моего подбородка взгляд, мутный, как картофельный отвар, и пневмонически хрипит:

— Помоги, уважаемый, дай десять рублей, не хватает опохмелиться.

В его волосах крупные, бронзового цвета вши.

— Откуда? — равнодушно отвечаю я, отшагивая и одновременно изумляясь — не тому, что несчастный перепутал изолятор с площадью трех вокзалов (стресс, духота, белая горячка, бывает), а тому, что из ста тридцати кандидатов на роль бескорыстного спонсора выбран именно я. То есть смотрюсь самым великодушным и отзывчивым. И при десяти рублях.

А вот картинка номер два: начало благополучных нулевых, две тысячи второй год, офис фирмы «Интер Оптима», торговля мягкими игрушками китайского производства, зайчиками и белочками, по радио сообщают об избиении скинхедами лица кавказской национальности, я вслух удивляюсь, что, мол, тоже в определенном ракурсе выгляжу кавказцем, меня и в Чечне за своего принимали, и в метро езжу много, но столичные нацисты что-то ни разу не покусились; окружающие смеются. Потому что, Андрей, на твоей роже написано, что ты любого зубами загрызешь, без особых сомнений...

И сейчас, оставляя за спиной чувиху, восемь раз оштрафованную, я опять приговариваю себя: ты даже не знаешь, как и кем ты выглядишь. То ли добряком, то ли психопатом. Ты сам не знаешь, кто ты. Определись, а потом хотя чего-то.

Мне неизвестно, кто я.

Мне также неизвестно, что представляют собой окружающие. Восемь раз оштрафованная женщина с багровыми

подбрудками и плохо выщипанными усами может оказаться не той, кем она кажется, — городской полусумасшедшей, а, например, активисткой запрещенной левой политической партии. И матерью прекрасных детей. Всколькером они там ехали в свой Геленджик?

А вот этот долговязый, грубо меня толкнувший, в небрежном прикиде профессионального балбеса (художественно надорванное рубище с надписями, на шее и запястьях кожаные верижки) — не исключено, умный и тонкий паренек, поэт и эстет.

Хотя лучше наоборот: оштрафованная — на самом деле неудавшаяся поэтесса, а юноша — подпольный революционер.

Опыт мешает объективно судить о людях. Судить — вообще последнее дело.

Находясь в толпе, я часто погружен в себя. Пребываю в капсуле. Толпа — основная моя территория обитания, она нежно мною любима и тщательно изучена, она возбуждает меня и питает собою. Но если вокруг смыкается капсула, я меняюсь. И когда меня о чем-то спрашивают (Как пройти на «Новокузнецкую»?) — смотрю, не понимая. В моем взгляде, я думаю, читается приблизительно следующее: «Кто ты и что тебе от меня надо?» Уловив такой взгляд, заблудившийся гражданин отваливает. Я вам не справочное бюро. Имейте голову на плечах. Лично я, погружаясь в метро в незнакомом городе, в Праге или Лиссабоне, первым делом покупаю карту.

В этом месте многие недоуменно или даже презрительно хмыкнут. Смотрите-ка, знаток человек, Прага-Лиссабон, хуе-мое, — а передвигается на метро. Машину бы купил для начала.

Машина есть. Имеются и друзья, готовые в любое время суток примчаться по первому звонку и отвезти меня

в любую точку обитаемой Вселенной. Есть деньги: можно взять такси. Но каждое утро я шагаю к метро. Дело в том, что я мегаломаньяк. Закоренелый, со стажем. Лучшей машиной для передвижения по планете я считаю танк Т-90. Размениваться на меньшее нет смысла. Все или ничего. Или на танке, или пешком.

Подземелье, особенная сухость воздуха, людской водоворот. Все равны, как в бане. Все идут либо едут с одинаковой скоростью, за одни и те же деньги. Это очень интересно — когда все равны. Наверху не так, наверху у одного мигалка, у другого пятьсот лошадиных сил, третий вообще никуда сам не едет, посылает курьера. В метро проще. Отсутствие возможности выделиться, кого-то из себя изобразить меняет людей, они становятся самими собою; просто мужчины и просто женщины двигаются из пункта А в пункт Б. Стойте справа, проходите слева, никаких понтов. Выглядываю из своей капсулы: вот идет яркая, высокая, в кожаном плаще, но смотрит равнодушно, на мужские улыбки не реагирует, ей не нужны мужчины из метро, — и выглядит поэтому приятно, не охотницей за самцами, а обычной девушкой в плаще. Наверху, знаю, она изменится, станет резче покачивать бедрами, гордо изгибать бровь. А тут она нормальная, спокойная.

Однако ярко одетых людей мало. Большинство в куртках и пальто темных тонов. Смотрятся мрачновато. Не потому, что жизнь мрачная, а просто на темном не так видна грязь. Грязи много, ее непрерывно отчищают и соскребают, она опять появляется. Вполне извинительно для сооружения, ежедневно перевозящего девять миллионов человек. Московский метрополитен дважды за год перемещает вокруг земного шара все население Китая. Вот где понты.

Я мегаломаньяк, мне нравится рассуждать в таком ключе.

Раньше по дороге на работу я читал журналы или, гораздо реже, книги; обложки оборачивал в газету (потому что скрытный). Теперь читаю мало, больше стою, оперев взгляд в стену.

По полу вагона от стены к стене катается пивная бутылка, половина пассажиров наблюдают: какое-никакое, а зрелище. Наконец один хорошо причесанный дядя находчиво прижимает ее подошвой — теперь все смотрят уже на дядю.

Я провожу в метро солидную часть времени, почти по два часа ежедневно. Пятьдесят минут утром, когда еду из дома в контору, и столько же вечером, в обратном направлении. С одной пересадкой. И так семь лет подряд, с две тысячи второго по две тысячи девятый. Кроме дома, офиса и подземки, я бываю в трех-четырех барах. Один из них — возле дома, рядом с офисом. Вот вся моя территория обитания.

Потом меня накрывает. Приступ начинается с легких наплывов беспокойства. Становится неуютно, как будто знаешь, что где-то рядом произошло что-то очень плохое. Немедленно замыкаюсь на себе; все внешнее меркнет. Если бы сейчас рядом волшебным образом появились Мэрилин Монро и Элвис Пресли — это не вызвало бы никаких эмоций. К черту все и всех, мне хуево. Будем точными в словах: не «плохо» или «дурно», а хуево. Слабеют ноги. Хочется немедленно что-то сделать. Как минимум — сменить позу. Перейти с одного места на другое. Из одного конца вагона — в другой конец. Еще лучше вообще покинуть вагон — но он, со мною в утробе, летит по черной каменной трубе, бежать некуда, капкан, тупик. Дышу носом. Чужие колени, плечи, спины — все враждебно. Одна пара голых длинных ног превосходна, но все равно враждебна.

Жжение в груди. Лицу холодно — отливает кровь. Бросает в пот. Кажется, что сейчас я потеряю сознание, упаду, как мудака, в новых штанах на грязный пол, подбегут люди, кто-то попытается помочь, а кто-то под шумок обшарит карманы, вытащит деньги, украдет паспорт, телефон. Нужно срочно возвращаться домой. Людные места, улицы — не для меня.

Это модная современная болезнь, астеноневроз. А то, что со мной происходит, красиво называется «паническая атака». Резкий приступ страха без какой-либо внешней причины. Фокусы подсознания. Болезнь распространяется, невротиков все больше, не верите — спросите у психиатров. Жизнь становится сложной, непонятной, а человек — существо простое. Он рожден, чтоб глотать горячее мясо, радоваться, плодиться, убивать врагов, стареть и умирать, — он не выдерживает давления системы, которую сам же создал. Он напридумывал себе всяких инфляций, рынков сбыта, распродаж, сотовой телефонии, сам себя утопил в океане проблем. И вот — некоторым из нас страшно.

Глубоко дышу, терплю. Приступ надо просто переждать. По возможности успокоить себя, отвлечься, вспомнить что-нибудь хорошее. Подождать — нервы сами придут в равновесие. Но пока мне очень страшно. Пытаться успокоиться, уговорить себя — бесполезно. Весь сжат, напряжен. Едва удерживаю контроль. Вцепился в поручень мокрой ладонью. Дышу. Другая ладонь в кармане, там — лекарства, походная аптечка невротика. Перебираю пальцами пузырьки и облатки, это успокаивает. Считаю секунды. Перегон между станциями — не более трех минут, едем уже две; надо выдержать. Пора продвигаться к двери, но нет сил. Вроде бы следует наклониться к уху впередистоящей дамы с огромным задом и узнать, собирается ли она выходить, — но губы и язык онемели. Ну и зад, ни справа

обойти, ни слева, с таким задом нельзя ездить в общественном транспорте, такой зад следует оплачивать отдельно, как багаж.

Приехали. Грохот открывающихся дверей ужасен. Бежать, спастись, иначе пропаду. Ввинчиваюсь плечом вперед. Перед глазами суется радужные мухи. Разрешите. Извините. Простите. Бля, дай выйти. Вас девять миллионов, я один. На перроне становится легче. Дышу носом. В кармане лежат чужие деньги — думаю только о них. Сейчас упаду, веером вылетят сизые тысячные купюры — будет давка, меня затопчут. Нет, не вылетят — у меня карман на пуговице. Еще чуть легче. Значение кармана на пуговице трудно переоценить. Лавирую, сам себе омерзительен. Дожил. С ударением на «о». Сорок лет. С воем и ревом из черной дыры вылетает новый поезд. Отойдите от края платформы. Не отходят, на краю всегда интереснее, это вам подтвердит любой мегаломаньяк. Перед эскалатором давка. Вливаюсь, думаю про пуговицу, мусолю таблетки в кармане. Падать нельзя, сомнут. Сбоку вдвигается миниатюрная старуха. Есть такие жилистые старухи, вечно лезущие, по простоте натуры, напролом, работающие корпусом не хуже хоккейного защитника. Уступаю ей проход. Может, она тоже, как я, ничего не соображает, давление выиграло или сердечко прищемило. Давай, бабуля. Валим отсюда. Наверх, где солнце.

Подкладкой к моему плачевному состоянию — молодой крепкий дядя с искаженным лицом бежит из подземелья на воздух — была злость. Я знал, кого винить. Не виноваты ни Бог, ни судьба, ни обстоятельства. Сейчас я плачу по счетам, которые сам себе выписал. Мне воздалось за каждый стакан водки, за каждый грамм наркотика, за каждый день, проведенный в нервной лихорадке возле сейфов с миллионами, и позже — в тюрьме, и еще позже — среди

дымящихся грозненских развалин, и еще позже — когда выбирался из нищеты, в угаре, в тумане, во тьме, в долгах, в бесконечных домашних скандалах, на зубах, на жилах, — пока не выбрался.

Я сам с собой это сделал.

На поверхности ветрено. Небо с единственным черносерым облачком с самого края — словно протирали хрустальный купол и забыли тряпку. Мне легче. Все вокруг выглядит избыточно пестрым, сложным. Дымит, вращается, лязгает. Однако следует признать, что налицо порядок. Светофоры мигают, мусор ликвидирован, на каждом углу продают еду и чтиво. Банкоматы отщелкивают денежку. Система работает. Вдобавок — совершенствуется. Пять лет назад было грязнее и бестолковее.

Дикари вроде меня не любят систему, но уважают. Не за ее переламывающую хребты силу, а за то, что она эту силу наращивает. В прошлом году мою лавку проверили два раза, в текущем году — четыре.

Забыл сказать: я ведь лавочник.

А потом — опа — отпускает меня.

Ноги еще слабые, но в груди уже прохлада. Тут же хочется курить. Однако перед тем, как поднести огонь к сигарете, надо потянуть носом воздух и посмотреть вокруг.

Страх быстро исчезает; это не обычный страх, а особенный, большой, сам собой выпрыгнувший из недр подсознания, и исчезает он тоже по-особенному, торжественно, и даже некий музыкальный аккорд гудит в такую минуту в голове: то ли клавесин, то ли орган. Все вокруг понемногу устанавливается на свои места, в ячейки, стойла, гнезда, но в тот момент, когда оно еще не установилось, я вижу мир таким, каков он есть на самом деле.

Все очень красиво. Городской день в предполуденный час, с его вывесками, рекламными щитами, разноцветными

автомобилями, женщинами, детьми, кошками и собаками. Все яркое, все бодрит и призывает наслаждаться. Но красота подобна кисейному покрывалу, сквозь нее просвечивает серое, кривое, дурно пахнущее. Настоящее. Уродливое.

Когда приступ паники совсем пройдет, город снова сомкнется в привычную трехмерную картинку, с привычными запахами и звуками. Но эти тридцать или сорок секунд я использую на то, чтобы прозреть безобразное внутри блестящей красоты.

Я живу в уродливом мире. Никто не виноват, и я тоже не виноват.

Как и любой другой из ныне живущих, я с рождения раздавлен величайшей из диктатур — диктатурой красоты и гармонии.

Так сложилось, что я утратил веру во всеислие красоты и гармонии. Сейчас я не смотрю на красивые тачки и рекламы. Мой взгляд ищет и находит бродяг с побитыми мордами, зевающих ментов, тощих, голодных гастарбайтеров, перекошенных колченогих стариков, угрюмых алкоголиков, и меж двумя красивейшими, в блеске чисто вымытых окон фасадами недавно отремонтированных жилых домов мне виден двор, где на уродливом балконе сушится бледное тряпье; мне кажется, я даже чую его запах, и это настоящий запах настоящего тряпья — какая-то старуха уже двадцать лет жалеет его выбросить, и я чувствую присутствие этой нищей старухи, чья жизнь сложилась не так красиво, как она хотела.

Для каждого из нас красота есть цель и средство, мерило всего. Красота — это хорошо, это правильно. Красота — это круто. Разумеется, я тут говорю не только и не столько о физической красоте, а о красоте вообще. О красоте духовной. О благородстве поступка, душевного движения. О гармонии отношений.

Я не доверяю красоте и гармонии. Я верю в уродливое. Уродливое всегда честнее. Превратить красивое в безобразное можно только одним способом: разрушив его. Применив насилие.

Я его уважаю, насилие.

Еще полчаса дороги под землей, в красивом вагоне, с пересадкой на недавно открытой, очень красивой станции «Трубная». Любой школьник скажет, что московское метро — самое красивое в мире.

Мой дед в тридцать третьем году строил одну из красивейших станций — «Сокол» — и параллельно учился на историческом факультете Московского университета. Строил и учился, пока особый отдел не выяснил, что дед — кулацкий сын. В те годы органы госбезопасности представляли собой мощный и гармоничный механизм. Работали с размахом, эффективно и красиво. Деда выгнали отовсюду, практически в один день. Он собирался покончить с собой, но не смог, и правильно сделал — иначе я бы не родился.

На «Тульской» еще красивее, прямо дух захватывает. Высотное здание налоговой службы, рядом — еще выше — Арбитражный суд. До моей лавки пять минут пешком по узкому переулку.

Сначала надо миновать ворота, пройти семь шагов мимо будки охраны, потом открыть дверь. Ворота всегда настезь, а дверь — не заперта. Я потянул ручку, но тяжелая железная створка не подалась. Я потянул сильнее — с тем же успехом. Уперся ногой, приложил силу — ничего.

— Эй, эй! — крикнул охранник. — Не ломай, ебты!

Силы во мне, семидесятикилограммовом, насквозь прокуренном, не много. Руку еще могу сломать или нос, но стальной заслон — никогда. Наш невротик выругался; впрочем, полусшепотом. Опять рванул. Он любит разрушать, и вдобавок ему до тошноты, до зубовного скрежета надоела

эта дверь, крашенная серо-коричневым, ежедневно одинаковым движением открываемая на протяжении многих лет; и слегка перекошенные ворота, и семь шагов мимо будки, и квадратная мусорная урна в пятнах высохшей слюны (плевали явно не снайперы). И охранник тоже надоел.

Он меня знал, конечно. Не по имени, но в лицо. Подошел, звеня ключами. Отодвинул плечом, схватил за запястье, без церемоний оторвал пальцы от скобы. Сообщил, отмыкая замок:

— Распоряжение коменданта. С сего дня дверь держать закрытой. Понял, ебты?

Нет, я все понимал. Я его понимал лучше, чем он сам себя понимал. Ему было за пятьдесят, и он всего только охранял ворота, а я ежедневно фланировал мимо него то в галстук, то в дубленой куртке, озабоченный делом. Здоровался, конечно, но не за руку. Также было понятно, что охраняет он не меня и не имущество моей конторы, он охраняет здание ото всех, в том числе от тех, кто арендует здесь комнаты, он работает на хозяина недвижимости; при чем тут я?

После подземных приключений, после панического бегства из метро, после забега по ступеням эскалатора невротик ничего не соображал, ощущал слабость, в голове словно пузыри лопались. Он промолчал, фиксируя ощущения: чужое плечо давит, чужая ладонь отжимает, чужая кожа, сухая, шершавая, заскорузлая, но не грубая, как у пролетария или крестьянина; обычная кожа ленивого самца в начале старости.

Я ничего не сказал. Воскликать что-то вроде «Нельзя ли повежливее?!» — не мой стиль. Было бы лучше и доходчивее ответно нахамить, пригрозить, обматерить — иначе говоря, поставить на место. Но невротик не сделал и этого. Только опустил ниже голову и шагнул в дверной проем.

Секунда — и решение оформилось. Оно давно зрело, копилось по каплям, лужицей на дне души, а сейчас вдруг стало ясно, что жидкость не простая, она горит — и вот вспыхнула, и текущий огонь мгновенно пропитал меня всего.

Не могу больше. Не способен видеть этого толстого ключника со взглядом бывшего вкладчика компании «МММ». Не хочу — и не могу — видеть дверь, закрытую по распоряжению коменданта, уже пять лет живущего на деньги таких, как я, и мне подобных. Не хочу и не могу восклицать, хамить, ставить на место, фланировать в галстук и без такового. Давным-давно не хочу и не могу, но продолжаю на силе воли, на упрямстве, заставляя себя, насилюя, уговаривая — хватит, ебты, насилия над собой. Хватит разрушать себя красивыми сказками про энергичных бизнесменов, бодро кующих прибавочную стоимость. Я не могу жить без разрушения и насилия, но я ненавижу это.

Два марша железной лестницы, деревянная дверь — вот я и в лавке. Тут мое рабочее место, тут я делаю деньги. Мне приветственно отмахивают ладонями два моих компаньона, они же лучшие друзья. Миронов и Саша по прозвищу Моряк. Оба красивые люди, но их красота надежно уравновешивается уродливой одеждой Миронова и обстановкой, которую чистюля назвал бы бардаком или свинарником, а взрослый занятой мужчина вроде меня, или Миронова, или Саши Моряка — рабочим беспорядком.

Я здороваюсь, снимаю пиджак и вешаю его на спинку стула.

Пиджак, стул, стол, компьютер — тут все мое.

Сегодня я пришел сюда в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru